

2. Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Кн. 7. Париж, 1937.
3. Гражданская война в СССР. Т. 1. М., 1980.
4. Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965.
5. Константинов С. И. Вооруженные формирования противобольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы гражданской войны. Екатеринбург: ИРА УТК, 1997.
6. Константинов С. И. Выступление чехословацкого корпуса: детонатор гражданской войны или возможность её альтернативы? (опыт альтернативной истории) // Урал в событиях 1917–1921 гг. Актуальные проблемы изучения. Мат-лы рег. науч. семинара. Челябинск, 1999.
7. ОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 142. Л. 9-23
8. Салдугеев Д. В. Чехословацкий легион в России // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. 1. История. 2005. № 2.

Е. В. Лазарева,
доцент УрФУ, г. Екатеринбург

К вопросу о роли иностранного капитала как фактора втягивания России в Первую мировую войну на стороне Антанты

На рубеже XIX–XX вв. в Европе сложилась новая система международных отношений, которая характеризовалась усилением соперничества в отношениях между великими державами. Все чаще происходили локальные войны за передел сфер влияния. Россия также участвовала в этой борьбе, но, несмотря на выгодное геостратегическое положение, не обладала достаточно развитой промышленностью и финансами и несколько отставала в этой области как от союзников, так и от конкурентов. Однако, исходя из своих национальных интересов, Россия стремилась предотвратить установление военно-политической гегемонии Германии, прекратить экспансию Австро-Венгрии и Германии на Балканах и установить контроль над

средиземноморскими проливами. Для решения этих задач в 1890-е гг. произошло укрепление союза с Францией, а после раздела сфер влияния в Средней Азии (1895 г.) постепенно налаживались отношения и с Англией.

Приоритетами российской внешнеполитической концепции являлось сохранение мира в Европе и обеспечение международных условий для быстрого экономического развития страны. К началу XX в. в результате развития международных финансовых связей мир довольно четко разделился на страны, экспортирующие и страны, импортирующие капитал. Россия входила в число последних. Для решения задач вывода российского хозяйства из кризиса 1900–1904 гг., преодоления промышленной депрессии 1905–1909 гг. и поддержания экономического подъема российское правительство осуществляло импорт капитала из европейских стран.

Главной формой ввоза капитала в Россию в начале XX в. являлись государственные займы, а основным кредитором — Франция. В трудах российских ученых присутствуют данные о размерах и условиях займов царского правительства [11]. Цифры внешнего публичного долга России к началу первой мировой войны (в 1913 г.) в публикациях варьируются от 8 млрд. руб., по данным авторов исследования предпринимательства в России [15, 100] и петербургского экономиста И. М. Бобовича [2, 114], до 12,7 млрд. руб., по оценкам уральского историка В. П. Мотревича [14, 246]. Несмотря на то, что опубликовано значительное количество документов по данной теме и частично эти сведения введены в научный оборот, современные исследователи отмечают закрытость архивных материалов по дореволюционному российскому государственному долгу [11, 68].

По мнению многих отечественных исследователей, в начале XX в. происходила борьба «антантовского» и «германского» финансового капитала за участие в строительстве и последующем контроле российской железнодорожной сети [3, 83]. Вполне закономерным было начавшееся в 1908 г. резкое сокращение участия германских банков в выпуске русских железнодорожных облигаций. В канун Первой мировой войны инициатива в этом отношении перешла к французским и английским банкам [1, 9].

Воздействие внешних займов на ход социально-экономического и политического развития страны, как отмечал К. Н. Тарновский,

было достаточно пагубным. Это происходило потому, что огромные суммы уходили в качестве процентов по полученным займам, которые выплачивались за счет бюджетных поступлений, не соответствующих росту национального дохода. Повышение налогов вслед за заключением очередного займа за границей — установленная закономерность [18, 73]. Кроме того, необходимость выплаты высоких процентов привела к тому, что иностранные займы превратились в инструмент, при помощи которого из страны выкачивались созданные в ней накопления. Что касается предвоенного размещения Россией займов в «антантовских» странах, то здесь кредиторы получали возможность влиять не только на экономическую, но и дипломатическую, и военно-стратегическую сферу страны-должника. При этом руководство страны осознавало зависимость успеха внешней политики от экономического роста. Стабилизация денежной системы и конвертируемость рубля обеспечили в начале XX в. значительный рост удельного веса иностранных вложений в российские ценные бумаги и активный ввоз в страну французского, английского и бельгийского финансового капитала.

Согласно данным современных исследователей, в 1913 г. из 19 крупных банков России 11 были основаны на иностранном капитале, на них приходилось примерно 3/4 средств, или более 3 млрд. руб. [5, 221]. По мнению Н. Н. Ванага, европейские банки вместе с подчиненными им русскими банками представляли компактные национальные группы, боровшиеся за преобладание в русской промышленности с другими национальными банковскими группами [3, 79]. Более того, он был убежден, что с упрочением влияния иностранного капитала на русскую банковскую систему в начале XX в. инициатива полностью перешла на сторону «антантовского» капитала [3, 92].

Отметим, что в работах отечественных ученых показано преобладание во ввозимом в Россию ссудном, финансовом и инвестиционном капитале французского, английского, бельгийского и американского капитала. Это способствовало активизации внешнеполитических контактов, формированию взаимовыгодных экономических связей и повлияло на выбор направления российской военно-стратегической ориентации в начале XX в.

По мнению ученых, в отношениях российских и французских банковских групп общность интересов в одних вопросах переплеталась

с борьбой в других, имела место и взаимная корысть, которая была цементирующей основой коммерческих соглашений. Сущность взаимоотношений между русским и европейским финансовым капиталом К. Ф. Шаццелло определял именно как союз, а не безусловное подчинение [21, 77].

В отличие от финансовой сферы во внешней торговле главным партнером России долгое время оставалась Германия, с которой в 1894 г. был заключен торговый договор. Но в начале XX в. российско-германские торгово-экономические отношения усложнились. Германия увеличила свои претензии, Россия в ответ приняла в 1903 г. антигерманский таможенный тариф. В 1904 г. торговая конвенция между двумя странами все же была подписана, но взаимные претензии не исчезли.

В период предвоенного экономического подъема 1909–1913 гг. в России широко развернулось железнодорожное строительство, проходившее при участии коммерческих банков, в том числе и иностранных. Важным источником и казенного, и гарантированного правительством частного железнодорожного строительства были иностранные займы. В это время власти активно поддерживали частные железнодорожные общества. Ввиду того, что в России, в отличие от западных стран, существовал острый дефицит средств для осуществления столь масштабных работ, правительство прибегало к разнообразным мероприятиям по привлечению иностранного и отечественного капитала к инвестированию железнодорожного строительства. В частности Русско-Азиатский банк, объединявший русский, французский и нидерландский капитал, финансировал строительство Северо-Восточно-Уральской (Тавдинской) железной дороги [12, 124]. По сведениям А. В. Дмитриева, В. П. Тимошенко и др., создание Западно-Уральской и Северо-Восточно-Уральской железной дороги субсидировалось синдикатом ведущих банков Парижа, Лиона и Петербурга, причем около 40 % акционерного капитала выделяли французские банкиры [8, 13; 19, 123]. Становление железнодорожной сети при непосредственном участии иностранного капитала имело прогрессивное значение для экономики России в целом. Благодаря появлению железнодорожной сети в России возникли не только отдельные предприятия, но и целые отрасли промышленности.

Анализируя проблемы прямых иностранных инвестиций, ученые отмечают, что масштабы сотрудничества иностранного капитала с российскими предпринимателями были неодинаковы на протяжении 1900–1913 гг. В условиях экономического кризиса 1900–1903 гг. произошел отток капитала, но в 1909–1913 гг. по абсолютным размерам западные средства перекрыли показатели начала XX в. В работах И. М. Бобовича, А. В. Века, А. Г. Донгарова, Т. М. Тимошиной, Э. Г. Чумаченко и других российских авторов прослеживается следующая динамика западного инвестиционного участия. В начале XX в. иностранный предпринимательский капитал составлял около 900 млн. руб., в 1913 г. — примерно 1,5 млрд. руб. [10, 180], в 1915 г. — уже 2,2 млрд. руб. [2, 115], а в 1917 г. — 2,5 млрд. руб. [4, 667].

Уральские историки Е. В. Алексеева, А. Э. Бедель, Д. В. Гаврилов, А. В. Дмитриев, В. П. Мотревич, Л. В. Сапоговская, В. П. Тимошенко и др. на основании подсчета объема иностранного капитала, действовавшего в отечественной промышленности, установили, что в условиях мировой войны наблюдалась тенденция его сокращения с 29 % до 19 % [9, 15]. При этом, согласно данным исследований, в 1917 г. доля зарубежных инвестиций варьировалась в пределах 16–19,5 % [14; 17; 19]. К 1917 г. в промышленность России было вложено около 2,5 млрд. руб. иностранного капитала. Эти средства распределялись между крупнейшими участниками в следующем соотношении: Франция — 31 % Англия — 24 %, Германия — 20 %, Бельгия — 13 %, США — 5 % [4, 668]. Таким образом, на страны Антанты приходилось более 70 % средств.

Особую роль прямые инвестиции играли в экономике Уральского региона как одного из крупнейших промышленных центров страны. Проникновение британского капитала на Урал можно разделить на два этапа; первый из них приходился на начало XX в., второй — на годы предвоенного промышленного подъема [13, 21]. Особый интерес британского бизнеса, по мнению ученых, вызывали медное и золотоплатиновое производство. Об этом свидетельствуют и данные источников [7, 15]. Однако наряду с цветными металлами, хоть и в меньшей степени, британские компании занимались разработкой уральских железорудных месторождений [6, 3].

В настоящее время научные труды экономической проблематики изобилуют сообщениями о контроле английских финансовых групп

в Кыштымской, Сысертской и Таналыкской корпорациях [12, 122]. Перспективность развития цветной металлургии в этих районах была обусловлена наличием уникальных месторождений меди с высоким содержанием благородных металлов. Поэтому именно там возводились мощности по их комплексной переработке [9, 10]. С целью укрепления своего положения группа Гувера-Уркарта сблизилась с российскими банками [8, 164; 17, 59].

Другая английская фирма — «Джонсон, Маттей и К^о» — скупала в 1867 г. большое количество платины, скопившееся на Петербургском монетном дворе, благодаря чему стала монополистом на мировым платиновом рынке. Она диктовала цены уральским платинодобывающим предприятиям, поскольку имела в Англии мощный аффинажный завод и заключала долгосрочные договоры на поставку уральской платины [16, 66]. Кроме того, авторами отмечаются факты участия британских специалистов в разведке полезных ископаемых, к примеру, серного колчедана [8, 163], а также строительства и реконструкции заводов [12, 128].

В 1898 г. была образована «Платинопромышленная компания анонимного общества», кредитовавшаяся французскими банками, для приобретения в Верхотурском уезде 150 приисков. Российское правительство предоставило этой компании режим наибольшего благоприятствования, т. к. она обещала осуществлять аффинажное производство в России, но впоследствии нарушила договоренность и построила платиноочистительный завод в пригороде Парижа Сен-Дени [8, 159; 13, 20]. Л. В. Сапоговской было установлено, что под влиянием данной французской компании возникло монополистическое объединение в уральской платиновой промышленности [17, 107]. В ее же работах содержатся сведения и о деятельности на Урале «Франко-бельгийской анонимной компании», которая скупала или арендовала прииски и заключала договоры на продажу платины [17, 86]. Кроме того, Бельгия была очень заинтересована и в уральском золоте. В 1897 г. заявило о себе «Франко-бельгийское анонимное общество золотых приисков в Кочкаре» [8, 159]. Оно успешно работало в течение двадцати лет, не сокращая производство даже в ходе мировой войны [7, л. 15]. Кроме того, в начале XX в. действовало бельгийское «Общество Уральско-Троицких золотых промыслов».

В 1908 г. было образовано в Брюсселе «Анонимное общество для аренды золотых приисков».

По данным российских исследователей в начале XX в. банковский, и акционерный капитал завладел большинством горнозаводских округов, способствуя вызреванию предпосылок к преобразованию картелей и синдикатов в монополии высшего типа [8, 165]. С точки зрения В. П. Тимошенко, новаторский эксперимент по развитию связей с мировым рынком был удачным ответом на вызов времени. И нельзя не согласиться с ученым в том, что за досоветскую индустриализацию была заплачена приемлемая цена [20, 124–125]. Историки убеждены, что иностранный капитал восполнил дефицит финансовых средств, тем самым явившись катализатором технологического прогресса и экономического подъема начала XX в. Однако значительная часть полученной прибыли вывозилась за рубеж, т. е. шла на развитие других стран.

Вполне закономерно стратегию России на мировой арене в значительной степени определяла внутренняя социально-экономическая ситуация, следовательно для достижения внешнеполитических целей требовалось решить ряд проблем внутри страны. Ситуация в стране, сложившаяся после революции 1905–1907 гг., обусловила стремление российской дипломатии к расширению социальной опоры внешней политики страны путем привлечения для ее поддержки новых социальных слоев и прежде всего крупной российской буржуазии, значительная часть которой имела длительные и прочные связи с западным капиталом. Вследствие этого сложились две группировки по вопросам внешнеполитической ориентации. Одна из них, объединявшая часть высшей бюрократии и крайне правых в Думе и при дворе, выступала за сближение с кайзеровской Германией, союз с которой мог помочь России нейтрализовать Англию и добиться реванша на Дальнем Востоке. Вторая стремилась к укреплению отношений с Англией и Францией. Эту линию поддерживали либеральные и умеренные силы в правительстве и парламенте.

Кроме того, Россия традиционно считала Балканы зоной своих интересов в связи с их ключевым военно-стратегическим положением, значительным православным населением и ролью проливов Босфор и Дарданеллы в российской внешней торговле; через них шло свыше 80 % экспорта российского зерна. В балканском регионе

России противостояла Германия, укреплявшая свое влияние в Болгарии, Австро-Венгрия и Англия.

Отметим, что по мере нарастания русско-германских противоречий и, как следствие, антигерманских настроений в обществе поворотным моментом российской внешней политики явился союз с Англией. Вступление России в Антанту, объединявшую Англию, Францию и их союзников, превратило ее в Тройственное согласие, что делало военный конфликт неизбежным.

Анализируя проблему влияния иностранного капитала как фактора втягивания России в Первую мировую войну на стороне Антанты, нужно подчеркнуть, что в исторической литературе четко прослеживаются связи между внешнеполитическим курсом и основными внешнеэкономическими партнерами России. Размещение государственных и железнодорожных займов осуществлялось, главным образом, в военно-стратегических странах-партнерах. На них же приходилось более 70 % ввозимого финансового и инвестиционного капитала. Таким образом, внешнеполитический союз был во многом обусловлен экономическим взаимодействием на правительственном и предпринимательском уровне.

Список источников и литературы

1. Ананьич Б. В., Лебедев С. К. Участие банков в выпуске облигаций российских железнодорожных обществ (1860–1914 гг.) // Монополии и экономическая политика царизма в конце XIX — начале XX вв. Л., 1987.
2. Бобович И. М. Экономическая история России. 1861–1914. Уч. пособие. СПб., 1996.
3. Ванаг Н. Н. Финансовый капитал в России накануне мировой войны. М., 1925.
4. Века А. В. История России. М., 2003.
5. Выбор пути. История России 1861–1938 гг. Екатеринбург, 1995.
6. ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1039.
7. ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1622.
8. Дмитриев А. В. Иностранный капитал на Урале // Урал. 1993. № 4.
9. Дмитриев А. В. Проблемы использования зарубежных инвестиций в экономике Урала. Екатеринбург, 1996.
10. Донгаров А. Г. Иностранный капитал в России и СССР. М., 1990.
11. Дьяконова И. А. Довоенный публичный долг Российской империи // Финансы. 1998. № 6.

12. Запарий В. В. Черная металлургия Урала XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2001.
13. Моисеев Г. С. Цветная металлургия Урала (1917–1945 гг.) Екатеринбург, 2003.
14. Мотревич В. П. Экономическая история России. Екатеринбург, 2004.
15. Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX в. М., 1997.
16. Рукосуев Е. Ю. Золото и платина Урала: история добычи в конце XIX — начале XX вв. Екатеринбург, 2004.
17. Сапоговская Л. В. Уральская горнозаводская промышленность на рубеже XIX–XX вв. Екатеринбург, 1993.
18. Тарновский К. Н. Социально-экономическая история России начала XX в. М., 1990.
19. Тимошенко В. П., Беделъ А. Э. Опыт использования иностранных инвестиций в хозяйственном развитии страны. Екатеринбург, 1997.
20. Тимошенко В. П. Прорыв в новую эпоху? Внешнеэкономические факторы в развитии хозяйства Урала на рубеже XIX–XX вв. Екатеринбург, 2008.
21. Шацилло К. Ф. Иностранный капитал и военно-морские программы России накануне первой мировой войны // Исторические записки. Т. 69. М., 1963.

И. С. Огоновская,
доцент УрФУ, г. Екатеринбург

Советско-польские отношения накануне и в период Второй мировой войны (по материалам школьных учебников истории)

Советско-польские отношения переживают в настоящее время не лучшие времена, хотя, казалось бы, за последние два десятилетия сделано немало: опубликованы многие ранее закрытые документы, в России и Польше созданы Центры польско-российского и российско-польского диалога, польской стороне переданы материалы, касающиеся Катынского дела, вышли в свет издания, авторы которых